

Еремеев Я. Н. (Воронеж, Россия)

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИЗМЕНЕНИЯ
ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЫ В ЭДВАРДИАНСКОЙ БРИТАНИИ**

В статье рассматриваются взаимоотношения между текстом и его культурно-историческим контекстом. На примере эдвардианской эпохи автор анализирует процесс смены дискурсивной парадигмы в британском обществе. Для эдвардианской эпохи было характерно стремительное развитие литературы как средства воспитания и одновременно как товара. Возникает новый подход к литературному языку и к литературной традиции. Уход от предыдущих литературных стилей и конвенций происходит не через их абсолютное отрицание в пользу новых моделей, но путем их использования в ироническом контексте.

Для эдвардианской литературы характерно одновременное использование различных голосов в одном тексте. Интертекстуальность предоставляет автору возможность цитирования с целью ироничного отвержения прошлого.

Ключевые слова: текст, литературная традиция, ирония, интертекст, потребительская культура

YAROSLAV N. YEREMEEV (VORONEZH, RUSSIAN FEDERATION). CHANGE OF DISCURSIVE PARADIGM IN EDWARDIAN BRITAIN. The paper looks into the relations between the text and its cultural and historical context. The author analyses the change of discursive paradigm in Edwardian Britain. The Edwardian era is characterized as the time of rapid development of literature both as an educational tool and as a commercial product. A new approach to the language of literary texts and literary tradition emerged. Abandoning previous literary styles and conventions did not mean their complete negation. Rather, they were now used in a new, ironic context.

In their writings, Edwardian writers widely employed multivoicedness. Intertextuality became a way of quoting with the aim of ironic negation of the past.

Keywords: text, literary tradition, irony, intertext, consumer culture

При анализе текста очень важно учитывать его культурно-исторический контекст, его принадлежность, по выражению

М. М. Бахтина (Бахтин 1963), к тому или иному «куску Большого Времени», или, используя более современную терминологию, к той или иной дискурсивной парадигме. При этом очень важно видеть прошлое, ту эпоху, которая породила этот текст, в его собственных терминах. Необходимо внимательное отношение к тому, что люди говорили, делали и писали в своем собственном историческом контексте, а не к тому, что от них ожидают или требуют последующие поколения. Необходимо изучать работы автора в его интеллектуальном и языковом контексте, контексте социального опыта (Corfield 1991).

Состояние языка – подвижно. Он – не простое зеркало какой-то реальности. Он – часть этой реальности, а, следовательно, и неотъемлемый компонент всех сложных взаимоотношений внутри этой реальности. Так, например, общество делится на противостоящие друг другу языковые группы с различными особенностями восприятия основных концептов. Языки используются в исторических контекстах, как часть сложного опыта жизни общества.

Как мы уже отмечали (Еремеев 2011), исторические периоды, отличающиеся преобладанием в них центростремительных сил над центробежными, и соответственно обладающие более стабильным и гомогенным характером, как правило, сменяются периодами нестабильности и перемен, с преобладанием сил центробежных и характером гетерогенным. Все эти процессы неизбежно отражаются в текстах, порожденных этими эпохами, и поэтому изменения в обществе неизбежно влекут за собой изменения в дискурсивной парадигме эпохи. Посмотрим, как эти процессы происходят, и как они взаимно влияют друг на друга на примере достаточно недавней и весьма противоречивой культурно-исторической эпохи британской жизни, а именно эпохи эдвардианства (1901-1914). Наш анализ будет по необходимости носить фрагментарный и ограниченный характер, но все же, мы надеемся, он позволит осветить некоторые характерные аспекты смены дискурсивной парадигмы.

Дискурс литературной среды

Мир, сложившийся после Первой Мировой войны, не вполне устраивал довоенных писателей, таких как Уэллс, Шоу или

Фостер, но это был мир, который развивался в направлении, указанном ими в годы, предшествовавшие Войне. Эти писатели имели много общего с философами того времени. Английская философия к тому моменту была сплавом гегельянства и либеральной мысли XIX века. В то же время появились и новые оригинальные течения.

Последователи Расселла и Уайтхеда обратили свое внимание на проблемы языка.

Философия жизни Дж. Э. Мура утверждала, что действительно важным в жизни являются личные взаимоотношения и творческая деятельность, а все остальное имеет значение только в контексте этих двух аспектов жизни. Эта философия соединяла в себе пуританизм (в своем критическом отношении к аристократизму) и гедонизм, то есть именно то, что искали последователи Мура, и что соответствовало настроениям все большего и большего количества людей Нового века. (Lloyd 1970: 28-29)

Одним из важнейших путей, по которому философия Мура нашла себе дорогу к более широкой аудитории, было отношение к ней группы людей, которые были известны своим современникам как «Блумсбери». Однако, «Блумсбери» имели незначительное непосредственное влияние на обычных представителей среднего класса. Для многих проводником либеральных идей стал Г.Уэллс. В предвоенные годы он больше всего писал о женщинах и их правах, и именно эти его работы имели наибольшее влияние. Он всегда был в курсе тех проблем, которые интересовали его современников. (Там же: 29)

Вирджиния Вулф утверждала, что произошло глубинное изменение общественного сознания приблизительно в декабре 1910 года (Sillars 1999: 3). То же самое можно сказать и о языке литературы. Изменение в языке было связано с отношением литературы к себе и к унаследованной из прошлой эпохи структуре.

В эдвардианскую эпоху возникает радикально новый подход к литературному языку и к литературной традиции. Уход от предыдущих литературных стилей и конвенций происходит не через их абсолютное отрицание в пользу новых моделей, но путем их использования в ироническом контексте, который соединяет в себе продолжение и отрицание способом, который намеренно раскрывает неадекватность и фальшь «литературных» качеств таких моделей.

В новых произведениях происходит отрицание и формы, и ее отрицания – состояние, в котором вся сущность языка и литературной формы подвергается критическому анализу.

Также для литературы этого периода характерна постоянная заинтересованность текущими социальными, политическими и моральными проблемами со сложными взаимоотношениями «текста» и «контекста». Сами тексты демонстрируют качество доконструктивной нестабильности в большей степени, чем в другие годы. Происходит фундаментальная и непримиримая борьба между развитием и революцией. Парадоксальным образом в одних и тех же текстах наблюдается сочетание развития и отрицания.

Многие авторы проявляют интерес к характеру и идентичности английской нации, изменениям в языке, природе и восприятию социального класса. Они объясняют упадок нации преобладанием Города над сельской жизнью, кризисом физического и морального здоровья, литературных стандартов и интеллекта и все возрастающей страстью к роскоши (Sillars 1999: 7)

Почти абсолютная грамотность открыла для новой печатной индустрии, которая вместо дешевых изданий классики обратилась к популярной публицистике, серийным публикациям романов и к новым жанрам художественной литературы, таким как научная фантастика и женский роман. Литературный стандарт был снижен. Авторы-эдвардианцы усматривают связь между упадком в литературе и в обществе.

Для эпохи было характерно стремительное развитие литературы как средства воспитания и одновременно как товара. Это объяснялось тем, что литература стала общедоступной. Литературное творчество воспринималось как важный способ влияния на мнения классов, получивших образование.

Восприятие английской литературы как объекта академических исследований стало стимулом для появления серьезных моралистических и интеллектуальных литературных работ. Новая дисциплина стала мощным импульсом для развития идеи традиции и конвенции. Авторы новой эпохи постоянно слышат другие голоса и находят себе место в традиции, которую они создают. В литературном сообществе авторы и публикации всех видов контактируют с полной свободой.

В поэзии процветало разнообразие и отказ от более ранних традиций. Поэты полностью порвали с викторианством и в форме, и в содержании, но обнаружили, что им трудно найти общую цель, кроме попытки найти адекватное выражение современной им жизни. Георгианская поэтика (1911-1914) уделяет особое внимание мастерству, избегает дидактизма и солипсизма и защищает реализм, который оправдывает описание уродливого.

Инновационное и традиционное не только развивались в одной ограде: их было гораздо труднее расчленивать, чем мы это можем себе представить. Происходило ироническое развитие и отвержение традиции, тонкое соединение развития и отвержения в рамках социальных и литературных конвенций

Некоторые (например, Руперт Брук) отвергают саму идею литературного языка и традиции в той нестабильности, которую они создают. Они также выражают обеспокоенность идеей плагиата (результат пост-индустриального отношения к собственности – связь между литературой и социально-политическими силами эпохи). Процесс заимствования Брук считает неизбежным, поскольку мозг каждого человека наполнен мыслями и словами других людей – здесь мы наблюдаем прототип аргумента сторонников модернистской интертекстуальности. Чтение наполнено отзвуками, которыми можно манипулировать по желанию автора, также они могут присутствовать в произведении для обогащения его плотности и текстуры. Интертекстуальность предоставляет автору возможность цитирования с целью ироничного отвержения прошлого.

Для эдвардианской литературы характерна множественность голосов, одновременное использование различных голосов в одном тексте. Поэт одновременно пользуется традиционным повествованием от первого лица и высмеивает его (тот же Руперт Брук) (Sillars 1999: 22).

Маркетинг британского модернизма

В предвоенном Лондоне, массовые издания, такие как COMIC CUTS и ILLUSTRATED CHIPS Альфреда Хармсворта, и романы-бестселлеры, такие как "THE SORROWS OF SATAN" Марии Корелли, олицетворяли собой популярную культуру, появившуюся одновременно с небывалым ростом доступности потребительских товаров и развитием рекламной индустрии, создававшей новые рынки для но-

вых товаров. Хотя Хабермас связывает коммерциализацию прессы с упадком либеральной общественной сферы (Morrison 1997), эдвардианские оппозиционные группы нашли способы использования той же тактики, которая сделала Хармсворта миллионером, с целью объединения широкой аудитории и поддержки широко распространявшихся социальных и политических перемен. Суфражистки и радикальные политические группы создавали дискурсивные пространства вне доминантной общественной сферы – «контр-общественные сферы» – но развивающаяся коммерческая массовая культура сделала эти «контр-общественные сферы» жизнеспособными. Реклама товаров спонсировала суфражистские газеты; публичные представления и популярные рекламные компании помогали «упаковывать», рекламировать и «продавать» такие темы, как «избирательное право» тысячам женщин. Анархисты, синдикалисты, и социалисты также обратились к стратегиям массовой публикации для создания альтернативной прессы и приобретения новых сторонников.

Многие раннемодернистские писатели и художники реагировали на различные аспекты развивающейся потребительской культуры негативно. THE EGOIST и его предшественники, THE FREEWOMAN и NEW FREEWOMAN, являются примерами изданий для «узкого круга лиц», повернувшихся спиной к массовой аудитории и публиковавшихся или для «потомков», или для тех, кого Эзра Паунд называл «партией интеллигенции» (Morrison 1997).

«Контр-общественная сфера», которая была создана радикалами в социальной, политической и литературной областях в предвоенные годы в таких журналах, как THE FREEWOMAN и THE EGOIST, исчезла во время войны, а модернистское искусство и литература сделали более решительный шаг к созданию отдельной эстетической сферы. Попытка познакомить массовую аудиторию с модернистской литературой с помощью рекламной тактики и феминистских и анархистских общественных институтов уступила место другой, осторожно-оптимистической попытке вступить в доминантную литературную общественную сферу через создание корпорации литературных и художественных групп. В то время как радикальные социо-политические организации смогли воспользоваться рекламной тактикой эдвардианской потребительской культуры для своих некоммерческих целей и нашли для себя массовую аудиторию, экспериментальная литература не

смогла достичь успеха на этом пути. Хотя лондонский авангард не пошел тем радикальным путем, по которому ранее пошел европейский авангард, политические, социальные и эстетические волнения эдвардианской эры породили замечательный, хотя и неудачный эксперимент союза между модернизмом, радикальными социальными кругами и потребительской культурой, которая поддержала их существование.

Социальные классы и классовый дискурс

Ни один период в Британской истории не представляет такой странной и трудноразрешимой загадки как этот. Мужчины и женщины с воинственными намерениями, встревоженные, а иногда и преисполненные ярости, сами не вполне понимая почему, заставляют нас задуматься о чаяниях и разочарованиях этой эпохи.

Резкие классовые различия проявлялись везде. Средний класс разговаривал теперь на стандартном английском, или во всяком случае очень сильно старался это делать; рабочий класс этого не делал. В семьях среднего класса было в среднем четверо детей, в рабочих семьях – шестеро. Что касалось оплаты труда, одежды, напитков – и пьянства – здоровья, жизни и смерти, классы находились так же далеко друг от друга как и в 1840-х, а в некоторых случаях и ещё дальше. Результатом стало обостренное чувство классового сознания вместе с закатом и падением идеала, который, как надеялись викторианцы, превратит Англию в тесную общину, объединенную буржуазными надеждами и настроенными. Все классы почувствовали теперь угрозу для себя и встали на защиту своих интересов. Высший класс предвидел своё уничтожение в безумных налоговых проектах Ллойд Джорджа. Средний класс – в волнениях рабочих и иностранной конкуренции. Рабочий класс – в плутократии, которая позволяла всем остальным наживаться за счёт рабочих. Все готовы были вцепиться друг другу в горло.

Любой период – это время перемен, но этот период был временем перемен, сопровождавшихся насилием и ненавистью. Социальные институты объединяют людей до тех пор, пока люди верят в ценность этих институтов и их существования. События поставили викторианские институты под сомнение; как только это произошло, они перестали объединять людей, как прежде.

Центробежные силы – отторжение людей от всеобщего принятия викторианских ценностей среднего класса – разметали англичан по отдельным водоворотам, столь характерным для этой эпохи. Жители Ольстера, суфражистки, рабочие, в меньшей степени и все их соотечественники искали пути преодоления изменяющейся реальности. Поэтому все «протесты» имели общие корни и подпитывали друг друга.

Историки, которые пытаются понять Англию начала 20 века, рано или поздно должны согласиться с автором «Странной смерти либеральной Англии» Джорджем Дейнджерфилдом. Глубоко метафоричная книга описывает «либеральную» Англию, Англию Гладстоуна и Руперта Брука, не имеющую возраста, но обреченную из-за неспособности и дальше проповедовать обманчивые идеалы, появившиеся более чем за полвека до этого: индивидуализм и экономическое порабощение; забота о себе и почтение к другим; демократия и классовое сознание. Смерть этой Англии сигнализирует рождение новой и совершенно другой Англии, Англии забастовок, суфражисток, волнений в Ирландии, нации, настолько отвергающей компромисс, насколько её предшественница стремилась к нему (Meacham 1972).

Расовые отношения и расовый дискурс

Фраза «расовые отношения» появилась около 1910 года. В этот же период следующие термины вошли в лексикон: *сегрегация*, *дискриминация*, *неевропеец*, *небелый*. Сдвиг от старого гуманистического языка расовой несправедливости к более новому академическому и научному языку изучения расовых отношений включал в себя перемещение интереса с проблемы освобождения угнетенных народов к оправданию и поддерживанию расовой субординации.

Старая терминология «расовых предрассудков» была заменена новым языком «расового инстинкта». «Инстинкт» оправдывал «предрассудки», делая их законными как выражение человеческой природы. Расовая враждебность, заметная среди белого населения, стала доказательством того, что инстинкт не может подвергаться контролю, но скорее является частью новой политической реальности. Викторианское видение империи без расовых отношений было признано иллюзией.

Белые избиратели настаивали на защите привилегированного статуса через запрет «цветной» иммиграции и через расширение существующих форм расовой субординации.

Новый язык расовых отношений также служил в качестве противовеса требованиям африканских и азиатских националистов к большому представительству в законодательных собраниях и в правительстве.

Джеймс Брайс, эдвардианский юрист и дипломат, считал, что существует фундаментальное «несходство характеров» различных рас. Этот антагонизм был укоренен в человеческой природе. Указывая на враждебность к китайским рабочим в Австралии и Калифорнии, он отмечал, что «природа всё понимает лучше, чем мы; и попытки людей поставить ей преграды часто бывали глупыми и весьма неэффективными»

Итак, расовые разделения и конфликты были не результатом ответственной деятельности конкретных людей, но следствием особенности человеческой природы.

Взгляд Брайсона на расовые отношения стал новой ортодоксией для его эдвардианских современников. Они создали новую форму дискурса расы и расовых отношений (Corfield 1991).

Дискурс популяризаторов науки

Популяризаторы науки (*public scientists*) не пропагандировали научное знание ради самого этого знания, и их работа могла иметь мало или даже ничего общего с реальной мотивацией и целями научного исследования. Скорее они сознательно пытались убедить общественность или ее влиятельную часть, что наука поддерживает и питает общепринятые социальные, политические и религиозные цели и ценности, и что она поэтому достойна общественного внимания, поддержки и финансирования. Цель популярной науки (*public science*) заключалась в лоббировании ненаучной элиты, убеждении публики или правительства в том, что наука может выполнять желаемые социальные и экономические функции, определении в качестве важных тех общественных сфер, в которых ученые могут участвовать благодаря своим специальным знаниям, напоминании о профессиональных стандартах ученых и определении позиции ученых по отношению конкурирующим интеллектуальным и социальным элитам, таким как церковнослужители. В то же время, популяризатор науки

остается ученым и гражданином, и его утверждения могут и как правило действительно отражают искренне выраженную гражданскую позицию наряду с мнениями, определяющими положение науки в обществе.

Евгеника стала общественной наукой по преимуществу. Как объяснил Голтон в 1904 году, «цель евгеники заключается в достижении того, чтобы полезные классы общества делали больший вклад в последующие поколения, чем предполагает их пропорциональное представительство в обществе» (Turner 1980). Позитивным результатом стало бы улучшение тона политической жизни и расширение национальной способности «реализовывать наши огромные имперские возможности» (Там же).

Представители евгеники были не единственными, кто утверждал, что ученые моли бы усовершенствовать качество общества и политики. Не обязательно придерживаясь позиций евгеники, многие популяризаторы науки полагали, что учёные были исключительно добропорядочными гражданами, и, будучи людьми науки, привносили в жизнь нации привычки, навыки, и моральные качества особенно полезные для нации и особенно ценимые всем обществом.

Чтобы подчеркнуть опасность, стоящую перед нацией из-за отсутствия научного знания у правящей элиты, популяризаторы науки указывали на необходимость научных решений политических и социальных проблем

Озабоченность научным образованием политической и административной элиты была напрямую связана с атакой на обязательное преподавание греческого языка в Оксфорде и Кембридже. Многие, хотя и не все, популяризаторы науки критиковали требование к сдаче экзамена по греческому языку при поступлении в классические университеты. Если рассматривать критику преподавания греческого языка и литературы в контексте развития общественной науки начала XX века, то она проистекала не просто из желания расширить обучение точным наукам или поддерживать научные исследования на адекватном уровне. Науки преподавались в новых университетах и замечательные исследования проводились в Оксфорде и Кембридже. Требования пересмотреть университетскую программу были направлены на то, чтобы реформировать образование будущей политической элиты

нации так, чтобы это повело к увеличению количества ученых-исследователей и учёных-преподавателей.

Дискурс частных школ

Парадоксом является тот факт, что поздневикторианская и эдвардианская Британия являлась великой индустриальной державой, а ее элитные частные школы (*public schools*) полностью отвергали технологическое и научное образование. Вместо этого они придерживались анти-индустриального идеала «джентльмена», фигуры, недоверчиво и скептически относившейся к мыслителям и интеллектуалам, поклонника командных игр, уверенного в том, что национальное величие полностью зависит от его воспитания и образования. Безусловно, в самих школах большинство обучающихся с презрением относились к учебе, издевались над интеллектуалами и с энтузиазмом поддерживали командные игры. Анти-интеллектуализм, анти-индустриализм и анти-коммерциализм были повсеместно распространены. Тремя важнейшими идеями для школ были империализм, милитаризм и атлетизм. Связующим звеном в отношениях между этими тремя идеями и идеалом «джентльмена» был атлетизм, образовательная идеология, настаивавшая на эффективности игрового поля для развития определенных инструментальных и прагматических качеств, в особенности таких, как смелость, командный дух и лидерство (Mangan 1975).

Таким образом, с одной стороны, пристрастие к игровому полю являлось очевидным и всепоглощающим занятием высшего среднего класса, которое символизировало «воспитание джентльмена». С другой стороны, это пристрастие было функционально связано с расширением Империи, поскольку считалось ценным для развития уверенных в себе, выносливых солдат, администраторов и даже миссионеров, способных к преодолению физических и психологических сложностей, связанных с несением имперского долга.

Считается, что в образованных обществах литературе отводится важная роль в задаче создания и поддержания общественного символизма, необходимого для поддержки идеологии или системы верований.

Школьная литература атлетизма (в основном поэзия) изобилует утверждениями, наставлениями и хвалебными песнями, слу-

жившими для пропаганды и поддержки своей идеи. Практически всю эту поэзию литературный критик считает ужасной. Из огромного количества школьной литературы вряд ли можно набрать достаточное количество примеров поэзии первого или даже второго класса. По большому счету она была банальной и неоригинальной.

Мотивирующая литература образовательных учреждений, с жесткими формулами и ограниченной образностью указывала необходимые виды деятельности и исподволь внушала избирательное восприятие. С помощью такого корпоративного вербального символизма школьное сообщество развивало усвоение определенных общих ценностей. Были установлены культурные императивы, которые получили свое собственное существование и импульс развития и превратились в нормативные правила поведения. Невозможно точно определить степень влияния вербального символизма атлетизма; символы могут противоречить действительному состоянию дел, но очевидно, что символы атлетизма для высшего и среднего классов как в школе, так и в обществе стали успешными проводниками социализации, социального контроля и социальной сплоченности. Таким образом, они способствовали развитию и укреплению роли индивидуума, коллективных навыков поведения и институциональной системы ценностей: они создают и отражают коллективный характер. Они конституируют систему символов, в которую верят и которой руководствуются в действии.

Националистический дискурс бойскаутов

Скаутское движение, со своей огромной популярностью, уникальной личностью его основателя Баден-Пауэлла, специфичностью его программы и методов, со всеми его многочисленными аспектами и особенностями, даёт прекрасную возможность проникнуть в суть социальных и политических течений эдвардианского периода. Наибольшее влияние на движение при его возникновении оказали имперский национализм, евгеника, идеи социальной морали, искусственно созданной традиции и либеральные образовательные методы. Все эти идеи развивались в контексте (и одновременно отражали его) обеспокоенности среднего класса моральной деградацией городской молодежи, агрессивности рабочего класса и возможности германского вторжения.

Национализм скаутов являлся конституирующей характеристикой организации и оказывал влияние практически на все аспекты их идеологии и деятельности.

Бойскауты появились на свет не просто в результате удачной идеи Баден-Пауэлла. Скорее они были воспитательной молодежной организацией, явившейся ответом на серьезные опасения, возникшие у него после возвращения из Южной Африки в марте 1903 года. Первое из них было связано с осознаваемой угрозой германского вторжения, эта идея достигла своего пика в 1906-1908 гг., то есть, в тот же период, когда появились скауты. Как и большинство старших офицеров своего времени, Баден-Пауэлл был весьма обеспокоен военной уязвимостью Британии и сам способствовал распространению страха вторжения распространением сочиненного им плана захвата страны. Обложка SCOUTING FOR BOYS, который выходил дважды в месяц в январе-апреле 1908 г., изображала подростка, наблюдавшего из укрытия за появившимися на горизонте вражескими кораблями.

Однако, существовали страхи и другого рода, характерные для данной эпохи и показывающие, что бойскауты были не просто подразделением регулярной армии, занятым подготовкой подростков к тому, чтобы сражаться и умирать на европейской войне. Постоянная тема в ранних публикациях руководителей скаутского движения – аналогия между падением Рима и потенциальным распадом Британской империи. Баден-Пауэлл находился под сильным влиянием книги Эллиота Милса “THE DECLINE AND FALL OF ROME”, опубликованной анонимно в 1907 г. Основная идея, которую он и другие почерпнули из книги, заключалась в том, что Римская империя пала жертвой завоевателей из-за внутренней ослабленности, после того, как её граждане стали бездеятельными и слишком склонными к праздной жизни. Баден-Пауэлл считал, что схожие социальные пороки были очевидны и в современной ему Великобритании. Они по-видимому распространялись из городов и от их обитателей, промышленного рабочего класса. Город часто предстает в работах Баден-Пауэлла враждебным тем британским качествам, которые скауты стремились поддерживать. На него возлагалась вина за физический и моральный упадок эпохи. Очевидное ухудшение физического состояния британской молодежи было убедительно продемонстрировано рекрутской статистикой времён Бурской войны, показавшей, что

70% молодых людей были физически непригодны к военной службе. (Друкс 1998: 14). Баден-Пауэлл не был склонен считать такие факторы, как размер дохода, диета, неадекватное медицинское обслуживание, условия работы и окружающей среды, повинными в ухудшении физического состояния. Такие выводы противоречили бы его социальным взглядам. С его точки зрения, развитие цивилизации в городах вызвало упадок через размывание национальных ценностей и характера.

Лорд Робертс заявлял в первом номере THE SCOUT: «Скауты стремятся внушить молодому поколению рыцарские, бескорыстные, благородные чувства, поощрять храбрость, чувство долга, порядок и дисциплины <...> они поддерживают патриотизм и возвышенные идеалы» (Там же: 15).

Эти национальные качества были во многом отражением идеалов элитных школ, то есть, того типа школ, в которых учились Баден-Пауэлл и другие лидеры раннего скаутского движения.

Британские качества поддерживались двумя способами. Первый осуществлялся через сравнение британцев с иностранцами. Многочисленные публикации в еженедельнике SCOUT включали в себя шокирующие описания латиноамериканцев, китайцев, арабов и африканцев, часто отражавшими расовые и классовые предрассудки.

Второй способ защиты важнейших британских качеств заключался в возрождении традиции и истории. Весь скаутский проект можно считать прекрасным примером изобретения традиции. Практически каждый аспект организации скаутов – их личные качества, поведение, законы, занятия и внешний вид – был помещён в исторический национальный контекст.

Ранние бойскауты, с одной стороны очень хорошо вписывались в эдвардианский контекст, с другой стороны у них был свой собственный подход к понятию нации. Особенного интереса заслуживает их видение рыцарского прошлого, ориентация на сельскую жизнь, рожденная из пасторальной идеализации нации и империи, и требование всеохватывающего, социально-равноправного единства британских подростков.

Национализм бойскаутов приобрел мгновенную популярность сразу же после его возникновения в 1907 году. Баден-Пауэлл создал организацию скаутов как противовес внешним и внутренним угрозам для Британии, которые, как многие полагали тогда, раз-

рушали различные атрибуты национального характера: храбрость, честность и пр. Использование истории и образов имперского рубежа в поддержании национального характера привело к появлению определенной философии воспитания молодежи. Ключевыми понятиями в ней были, с одной стороны, рыцарская традиция, с другой – нецивилизованные просторы Империи, где можно развивать мужественность. И то, и другое связывалось с сельской местностью. Сам факт того, что скауты намеревались «сделать что-то» для своей страны говорил в их пользу, учитывая опасения того периода, относительно внешней угрозы и деградации нации, а также популярность империализма. Интересно, однако, как своеобразный подход к вопросам нации наделял скаутов привлекательностью, которая отсутствовала у других современных им юношеских организаций. Скауты, как представляется, получили такую поддержку именно потому, что они не были военизированной организацией. Более важным было то, как «рыцарство» соединяло в себе историю с ежедневными обязанностями скаута. Подобным образом, пасторальный образ былой славы Британии ассоциировался с любимым занятием скаутов – организацией лагерей. Равноправие, которого требовал Баден-Пауэлл, тем временем, было привлекательной чертой в эпоху резкого классового разделения. Однако, ключевым фактором, который соотносит национализм скаутов с их популярностью у современников, заключается в том, что, пытаясь воспитать мужество у эдвардианских подростков, их руководители обращали внимание на развитие внутренних моральных качеств, а не просто готовности исполнять приказания. Подростки поэтому имели достаточную степень самостоятельности, отсутствовавшую в других юношеских организациях. Все это конечно не опровергает того положения, что скаутское движение было для правящего класса средством воздействия на умы, что собственно и не является удивительным. Интереснее понять, почему определенные формы идеологии принимаются обществом, а другие – нет. Скауты были популярны с момента своего появления, и понять причины этой популярности можно только изучив их отличительные особенности.

Дискурс страха

Многие старые страхи усилились в атмосфере, когда страдание и негодование сменялись насилием. Ужасы в литературе также

трансформировались из далеких и нереальных фантазий в современные и катастрофические возможности

Акции протеста против вивисекции – не самый значительный пример возросшей социальной нестабильности. Страдания коричневого терьера в руках вивисекционистов в 1902 году привели к двум годам уличных беспорядков в Лондоне (Тгорр 1990: 172)

Выступления за права женщин также сопровождались насилием. Значительно усилились трения между классами. Угнетенные больше не страдали молча – по стране прокатилась волна забастовок, восстаний и других форм индустриальной борьбы.

Терроризм анархистов стал широко обсуждаемой темой. (Там же: 173) Одно из наиболее показательных произведений эпохи – роман Г. К. Честертона “THE MAN WHO WAS THURSDAY”. Паника, вызванная анархизмом, стала реальной. Честертон наводит читателей на мысль, что страх анархизма был формой массовой истерии. В действительности только один человек погиб в Британии от «новой опасности» – французский анархист, уничтоженный собственной бомбой. В литературе анархист изображается страдающим от глубокой и неизлечимой внутренней болезни, а не от последствий социальных конфликтов. Считалось, что все анархисты – дегенераты и иностранцы.

Другая популярная фантазия заключалась в том, что миллионы англичан верили, что мирной жизни в Англии угрожает секретное вторжение с Континента (в одном популярном романе французы прорывали секретный тоннель в Дувр). (Там же: 174)

“THE INVASION OF 1910” Уильяма Ле Куэкса изображало вымышленное германское нашествие. События романов ужасов, которые привлекали массовую аудиторию, происходили не в средневековом прошлом или эдвардианском настоящем; это были повествования о недалеком будущем, которые в течение нескольких лет должны были оказаться фантазией или пророчеством. Этот новый тип «ужаса» не только эксплуатировал страхи массового уничтожения, но также размывал грань между тем, чего никогда не было и тем, что вполне могло произойти. Интересно, что уже тогда же появились первые произведения-пародии на новый литературный жанр. Так в 1908 г. П. Г. Вудхауз опубликовал роман “THE SWOOP”, в ироничной форме повествующий о захвате беззащитной Англии иностранными армиями и о её последующем освобождении доблестным бойскаутом и его друзьями.

Другие формы популярных развлечений поддерживали панику. Спектакль, под названием “INVASION” разыгрывал атаку Цепеллина с высадкой парашютистов (Там же: 175).

Эти два взаимодополняющих страха – анархии и нашествия – соединились в почти всеобщем убеждении, что Англия была покрыта сетью шпионов, ожидающих сигнала, чтобы помочь захватчикам покорить Сердце Империи.

Проповедник Стопфорд Брук предсказывал в 1908 году, что новые изобретения – самолеты и отравляющий газ приведут к тому, что «все здание цивилизации будет стерто с лица Земли, и Европа вернется к первобытному состоянию. Деградировавшее общество уничтожит себя» (Торр 1990: 176). Книги Г. Дж. Уэллса, такие как “THE WAR IN THE AIR” ярко иллюстрировали эти страхи.

Дискурс игрушечных солдатиков

Джеффри Бест однажды заметил, что распространение милитаризма в Европе в большей степени, чем военные альянсы и убийства, стало непосредственной причиной начала Первой мировой войны (Brown 1990). Хотя такое предположение нельзя эмпирически доказать, тем не менее трудно понять, как при отсутствии глубоко укорененного милитаризма Британия смогла бы поддерживать свои вооруженные силы исключительно за счёт добровольцев в течение более чем года во время самой кровопролитной войны за всю ее историю. За первые два месяца военного конфликта пятая часть всего мужского населения в возрасте от 20 до 35 лет записались в ополчение. К тому времени, как была введена всеобщая мобилизация в 1916 г., огромное количество добровольцев, а именно два с половиной миллиона человек, записались в армию. В последние годы социальные историки идентифицировали многие причины, способствовавшие появлению и поддержанию страстной реакции на события 1914 г. Так, автор популярного исследования причин Великой войны отмечал, что «учебники и речи, стрелковые корпуса и кадетские группы, газетные публикации и популярные романы, памфлеты Лиги ВМФ и руководства по военным упражнениям, таблицы импорта-экспорта – все это является материалом для серьезного исследователя» (Там же: 5).

Также среди артефактов повседневной жизни, которые сознательно или несознательно формировали мысли и ожидания поко-

ления, были игрушечные солдатики, которые, как утверждает автор, «были для армии важнее, чем вербовщики» (Там же: 5).

Это может показаться преувеличенным утверждением, но бесспорно то, что в течение двух предвоенных десятилетий в Британии было повальное увлечение игрушечными солдатами, хотя историческая значимость этого явления не была должным образом оценена.

Солдатики могли появиться совершенно в неожиданных местах, например в аптеке маленького городка, хозяин которой извлекал доход из современного увлечения, продавая их как необычное, но выгодное дополнение к своим основным товарам. Игрушечный солдатик был также торговой маркой в детской литературе, став героем популярных комиксов в огромном количестве периодических изданий, таких как *LITTLE FOLKS* или *BOY'S OWN PAPER* (Brown 1990: 27). Это было вполне оправданным решением, поскольку было очевидно, что мальчики обеспечивали огромный спрос на солдатиков. Без сомнения именно поэтому «две больших коробки с солдатами и пушками» стали тем средством, которое Голсуорси выбрал для утешения своего 8-летнего героя Джона Форсайта, после того, как была уволена его няня (Там же: 41).

Несомненно, игрушечные солдатики стали чем-то вроде мании для ведущих литературных и политических фигур эпохи. Первая группа включала в себя Роберта Льюиса Стивенсона, Джерома К. Джерома, Г. К. Честертона и Г. Дж. Уэллса. Сам Уэллс позже называл Лео Эймери, Чарлза Мастермана, Ч. П. Тревелияна и Уинстона Черчилля – последние трое – члены либерального правительства начала войны в 1914 г. – в числе тех, с кем он играл в войну

Не вызывает сомнения, что во все времена игрушки использовались не только для развлечения, но и как средство социализации и воспитания, как способ знакомства детей с реалиями взрослого мира. Начиная с конца XIX века, производство огромного количества игрушечных солдатиков в несколько раз увеличило количество детей, подвергавшихся такому влиянию. Маленькие фигурки заняли свое место в сложной системе образовательных воздействий, формальных и неформальных, которые связывали игры на полу детской комнаты со взрослым миром.

«Солдатики изменили течение моей жизни», писал Уэллс (Там же: 58). Ниже на социальной лестнице часто происходил переход

от игрушечных солдатиков к военизированным юношеским организациям. Самая первая из них BOYS' BRIGADE имела явный милитаристский настрой, который проявлялся в стиле их униформы, их руководства, духовых оркестров, и наконец, в занятиях с винтовками. Подобным образом, в движении бойскаутов упор делался на занятиях на свежем воздухе, ориентировании на местности, лагерях; все эти занятия были другим, более новым типом военных упражнений, предложенных их основателем, ветераном Бурских войн Баден-Пауэллом.

Отсюда была уже прямая дорога к добровольческому движению. Основатель BOYS' BRIGADE Уильям Смит был членом Первой Ланаркской стрелковой добровольческой бригады.

Описанными выше способами игрушечные солдаты вступали во взаимодействие с прочими аспектами жизни эдвардианского общества, что привело в результате к росту милитаризма, этой «системе образов, символов и ритуалов, созданных для выражения характера воина», системе, которая была широко распространена в Британии после катастрофы Бурских войн.

Повозки, кареты скорой помощи, мосты также выпускались производителями игрушечных солдатиков. Важность таких игр заключалась в том, что в них явно присутствовали идеи врага и конфликта. Здесь возможно игрушки сыграли свою роль в росте агрессивности, которая, по мнению ряда исследователей, объясняет небывалое количество добровольцев в 1914 г.

Энтузиазм 1914 г. был более чем отрицанием современного общества. Он был также утверждением войны и ее закономерности.

Подводя итоги, можно утверждать, что за 13 лет эдвардианской эпохи британское общество претерпело значительные перемены, отразившиеся в коренном изменении его дискурсивной парадигмы. Общество, вступавшее в Первую мировую войну, по своим взглядам, по своему языку и по своей культуре было отнюдь не продолжением викторианского общества. По многим своим характеристикам оно предвосхищало рождение Современной Британии.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Наука, 1965. – 527 с.

Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи. – М.: Наука, 1986. – 541 с.

Еремеев, Я. Н. О некоторых особенностях эдвардианских текстов в их культурно-историческом контексте // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 9. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2011. – С. 34-49.

Brown, K. Modelling for War? Toy Soldiers in Late Victorian and Edwardian Britain // *Journal of Social History*, vol.24, No.2, 1990. – P. 237-254.

Dryke, S. The Popularity of Nationalism in the Early British Boy Scout Movement // *Social History*, vol.23, No.3, 1998. – P.309-324.

Language, History and Class / Corfield, P. J. (ed.). – Oxford: Basil Blackwell Ltd, 1991. – 246 p.

Lloyd, T. O. Empire to Welfare State. – Oxford: OUP, 1970. – 466 p.

Mangan, J. A. Play Up and Play the Game: Victorian and Edwardian Public School Vocabulary of Motive // *British Journal of Educational Studies*, vol. 23, No. 3, 1975. – P. 324-335.

Meacham, S. The sense of an Impending Clash // *The American Historical Review*, vol.77, No. 5, 1972. – P. 1343-1364.

Morrison, M. Marketing British Modernism // 20th c. Literature, vol.43, No.4, 1997. – P. 439-469.

Sillars, S. Structure and Dissolution in English Writing, 1910-1920. – London: Macmillan Press Ltd., 1999. – 216 p.

Tropp, M. Images of Fear. – London: McFarland and Co., Inc., 1990. – 235 p.

Turner, F. M. Public Science in Britain 1880-1919 // *Isis*, vol.71, No.4, 1980. – P. 589-608.

REFERENCES

Bakhtin, M. M. (1965). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekovja i Renessansa* [Rabelais and His World]. Moscow: Nauka.

Bakhtin, M. M. (1986). *Literaturno-kriticheskiye stat'i* [Critical Essays]. Moscow: Nauka.

- Brown, K. (1990). Modelling for War? Toy Soldiers in Late Victorian and Edwardian Britain. *Journal of Social History*, 24, 2, 237-254.
- Corfield, P. J. (Ed.). (1991). *Language, History and Class*. Oxford: Basil Blackwell Ltd.
- Dryke, S. (1998). The Popularity of Nationalism in the Early British Boy Scout Movement. *Social History*, 23, 3, 309-324.
- Lloyd, T. O. (1970). *Empire to Welfare State*. Oxford: OUP.
- Mangan, J. A. (1975). Play Up and Play the Game: Victorian and Edwardian Public School Vocabulary of Motive. *British Journal of Educational Studies*, 23, 3, 324-335.
- Meacham, S. (1972). The sense of an Impending Clash. *The American Historical Review*, 77, 5, 1343-1364.
- Morrison, M. (1997). Marketing British Modernism. 20th c. *Literature*, 43, 4, 439-469.
- Sillars, S. (1999). *Structure and Dissolution in English Writing, 1910-1920*. London: Macmillan.
- Tropp, M. (1990). *Images of Fear*. London: McFarland and Co.
- Turner, F. M. (1980). Public Science in Britain: 1880-1919. *Isis*, 71, 4, 589-608.
- Yermeev, Y. N. (2011). O nekotorykh osobennostyakh edvardianskikh tekstov v ikh kul'turno-istoricheskom kontekste [Edwardian Texts in Their Cultural and Historical Context]. *Yazyk, kommunikatsija i sotsial'naja sreda* [Language, Communication and Social Environment], 9, 34-49.

Ярослав Николаевич Еремеев
Воронежский государственный университет
пл. Ленина 10-43, Воронеж, 394006
Российская Федерация
yaroslav.yeremeyev@gmail.com

Yaroslav N. Eremeev
Voronezh State University
pl.Lenina 10-43, Voronezh, 394006
Russian Federation
phone: +7 (473) 220 84 89